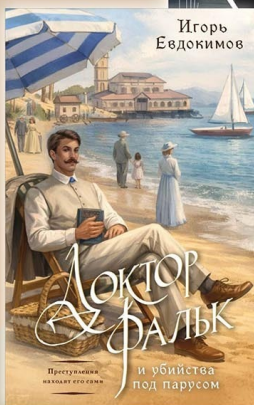

Тайный архив Игоря Евдокимова

Комплект из 3 книг

Игорь Алексеевич Евдокимов
Тайный архив
Игоря Евдокимова.
Комплект из 3 книг
Серия «Альтернативная Российская
империя. Расследования Корсакова»

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74273646
ISBN 978-5-04-252483-7

Аннотация

Комплект из 3 книг – платите меньше, читайте больше!

В состав входят: «Доктор Фальк и убийства под парусом», «Тайный архив Корсакова». «Оккультный детектив, Доктор Фальк и дачные убийства».

Комплектом выгоднее, чем покупать книги по отдельности.

«Доктор Фальк и убийства под парусом»

Лето в Зеленом луге продолжается – вместе со штормами, неожиданными визитами и дачной скукой, которая, однако, заканчивается ранним дождливым утром.

После ночной бури к берегу прибывает перевернутую яхту князя Несвицкого, но она пуста. Ни владельца, ни пассажиров,

ни экипажа – неужели у жителей дачного поселка появился свой корабль-призрак? Вскоре обнаруживают тело одного из пропавших – и становится ясно, что дело не в стихии. Сына купца Жоржа Рыбина застрелили. Но где же остальные?

У единственного подозреваемого – неопровержимое алиби, и он проявляет слишком живой интерес к Лидии, возлюбленной Фалька.

И если первое Василий Оттович готов ему простить, то второе – никогда. А значит доктору-детективу с неохотой придётся взяться за новое расследование.

«Тайный архив Корсакова. Оккультный детектив»

В Российской империи 1880-х годов в тайне от обывателей существует мир оккультных практик и потусторонних сил. Владимир Корсаков – наследник старинного рода, призванного бороться с опасными духами, сверхъестественными существами и с людьми, совершающими преступления с помощью темной магии.

«Доктор Фальк и дачные убийства»

Уютные расследования в дачном поселке на побережье Финского залива начала XX века!

Доктор Василий Оттович Фальк – эстет, педант и скептик, расследованием убийств не интересовался никогда и летом рассчитывал на спокойный отдых в любимом «Зеленом луге», куда он каждый год приезжает из Петербурга.

Но практически сразу после его приезда в дачный поселок на побережье Финского залива доктора вызывают в дом к пожилой вдове: утром ее нашли мертвой... Незадолго до гибели она жаловалась Фальку, что по ночам в ее саду появляется серый монах – верный предвестник смерти.

Доктор в мрачные приметы не верит и понимает, что в поселке произошло убийство. И чем дальше Василий Оттович пытается держаться от расследования, тем сильнее втягивается в поиски преступника, ведь быстро выясняется, что причины желать зла покойной были почти у каждого жителя дачного поселка.

Променады, купания и чаепития в беседках – дачная жизнь в Российской империи.

*Цена комплекта рассчитана исходя из базовых цен. Во время акционных предложений цена отдельных книг может меняться.

Содержание

Доктор Фальк и убийства под парусом	6
Список действующих лиц	7
IN MEDIAS RES	9
Часть 1	12
Глава первая	12
Глава вторая	23
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Игорь Евдокимов
Тайный архив
Игоря Евдокимова.
Комплект из 3 книг

Доктор Фальк и
убийства под парусом

© Евдокимов И.А., 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Список действующих лиц

Василий Оттович Фальк – доктор, эстет, зануда. Сыщик поневоле.

Лидия Николаевна Шевáлдина – возлюбленная Фалька. Натура увлекающаяся и любопытная.

Александр Петрович Сидоров – урядник (деревенский полицейский), друг Фалька.

Ираида Дмитриевна Шевáлдина – мать Лидии, дама суровая, озабоченная поиском приличной партии для дочери.

Клотильда Генриховна – экономка Фалька. Ужас, летящий на крыльях ночи. Если привыкнуть – милая и почти не пугает.

Арсений Устинович Новиков – судебный следователь.

Екатерина Юрьевна Красильникова – жена присяжного поверенного. Дама знойная, свободных нравов.

Константин Михайлович Нёсвицкий – князь, дипломат, хозяин усадьбы, приехал погостить.

Иван Сергеевич фон Бек – друг князя, прожигатель жизни.

Николай Дмитриевич Мамаев – друг князя, сын фабриканта.

Георгий Платонович Рыбин – друг князя, сын купца-лесо-промышленника.

Сергей Анатольевич Богомольцев-Донской – театральный режиссер.

Карл Кронидович Гейнц – антрепренер.

Федор Федорович Осокин – художник.

Ольга Ивановна Алеева – актриса.

Марк Евгеньевич Чернов – актер.

Михаил Всеволодович Всеволожский – командор яхт-клуба.

Филимон Кондратьевич Персиков – боцман, сторож яхт-клуба.

Павел Сергеевич Невёров – товарищ прокурора в отставке, друг Фалька.

Евламний Аристархович Кунин – излишне деятельный председатель общества благоустройства. Бич Божий и необходимое зло в глазах дачников.

Фома Михайлович Аксенов – бывший станционный смотритель. Знает все обо всех.

Евграф Андреевич Попов – уездный исправник. Бесплезен.

Зиночка Макарова – актриса.

Прасковья Егоровна – костюмерша.

Харон Семенович и Аида Семеновна Беляковы – гробовщики с нездоровым энтузиазмом к своей работе. Энтузиазм наследственный.

Моряки, актеры, служители сцены, дачники, стражники, крестьяне – тоже присутствуют.

IN MEDIAS RES

Сидя на палубе яхты и созерцая окружающую его водную гладь, доктор Василий Оттович Фальк поймал себя на довольно абсурдной мысли, что у моря и пустыни довольно много общего. И там и там бескрайние просторы. И там и там всегда есть шанс умереть от жажды и жары. И там и там не найдешь свидетелей, случись что... Непредвиденное.

– О чем размышляете, Василий Оттович? – спросил его спутник.

– О сходствах и различиях пустыни Сахара и Финского залива... – откликнулся Фальк.

– Банально. Думаю, ко всем, кто видит море в штиль, приходит эта аналогия. Скажите, вы правда подозреваете, что я их убил?

Первым порывом Василия Оттовича было обернуться и пораженно уставиться на собеседника. Порыв этот он сдержал, а потому продолжил любоваться морем, выдерживая солидную паузу. Такого вопроса следовало ожидать. Вряд ли собеседника можно было счесть дураком. А то, что, кроме них двоих, на яхте (да и на пару верст вокруг тоже) никого нет, – лишний повод держать эмоции при себе и сохранять внешнее спокойствие.

– Согласитесь, это логично, – наконец нарушил молчание доктор. – В конце концов, все улики указывают на вас.

– И вы все равно согласились выйти со мной в море?

– Я счел, что, будь вы убийцей, с вашей стороны было бы довольно опрометчиво попытаться настолько явно от меня избавиться. И невежливо. К тому же вы сами видели: у меня есть свидетель, знающий, с кем и куда я отправляюсь.

– Это при условии, что я бы хотел сохранить инкогнито. Будь я убийцей, конечно же.

– А что же, у вас есть другие варианты?

– Конечно. Должно быть, вы заметили, что Кронштадт мы миновали. Отсюда рукой подать до Финляндии. Терийоки во-о-он там, но я бы предпочел Выборг. Он, конечно, значительно дальше, но и яхта у меня быстроходная. Домчал бы мигом. Пока вас не хватились, взял бы припасы. А дальше... Швеция. Германия. Швейцария. Счета в тамошних банках у меня уже есть. Как выправить документы, я тоже представляю. Меня бы никто не нашел... Сигару?

На этот раз собеседнику все-таки удалось удивить Фалька. Доктор обернулся. Мужчина за его спиной оставил штурвал, подошел к нему и потянулся к нагрудному карману. Василий Оттович напрягся, готовый прыгнуть и зажать руку собеседника в тиски. Но тот действительно достал из кармана две сигары и протянул одну доктору. Естественно, дорогую, кубинскую, с фабрики братьев Упманов¹.

– Приговоренному разрешается закурить? – иронично

¹ Сигары Н. Уррман курили А. К. Толстой, И. С. Тургенев и, например, Зигмунд Фрейд. – Здесь и далее примечания автора.

вскинул брови Фальк, принимая презент.

Собеседник рассмеялся. Крутанул свою сигару между пальцев. Провел ею под носом, втянув воздух ноздрями. Сжал пальцами, прислушиваясь к хрусту. Вновь запустил руку в карман, нервируя доктора, но извлек оттуда не револьвер, а маленькую серебряную гильотину. Ловко, со щелчком, обрезал кончик сигары и передал машинку Фальку. Поднял с палубы упаковку длинных шведских спичек. Чиркнул одной, дал немного прогореть и поднес к зажатой в зубах сигаре. Несколько раз со свистом пропустил сквозь нее воздух, а затем затянулся и выпустил в безоблачное синее небо струйку синеватого дыма.

Фальк, пусть и с меньшей элегантностью, последовал его примеру.

– Итак, Василий Оттович... – после некоторого раздумья произнес собеседник. – Если вы действительно думаете, что я – убийца, то как и зачем я это сделал?

Доктор прикрыл глаза, выпуская сигарный дым, задумчиво улыбнулся и сказал:

– Что ж, это будет долгая история. Интересная, надеюсь, но долгая. В таких случаях принято начинать сначала...

Часть 1

После бури

Глава первая

*Ты видишь, как я ем, гуляю, сплю, работаю.
Вдруг как будто найдет на меня что-нибудь, какая-то хандра... мне жизнь покажется... как будто не всё в ней есть...*

И. А. Гончаров, 1859 год

Июль для Василия Оттовича начался уныло. Как по метеорологическим причинам, так и по сердечным.

Начать следует с того, что погода в Зеленом луге к середине лета испортилась. На смену капризам мая и мягкому теплу июня пришли затяжные ливни и грозы. Дождь, хлещущий огромными каплями, от которых не спасали зонты, разогнал отдыхающих по домам. Отменились мероприятия на летней эстраде курзала. Опустела Вокзальная улица – остальные дороги Зеленого луга не были шоссированы, а потому непогода сделала их практически непроходимыми. Обитатели деревни укрылись в домах, но и те не всегда спасали. Более старые дачи, давно не видавшие ремонта, начали протекать, временами – прямо над кроватями своих обитателей, которых по утрам будил внезапный и непрошенный холодный душ. Од-

ним словом, Зеленый луг вымер.

Но погоду Василий Оттович пережил бы легко. Уж что-то, а организовать себе тихий спокойный отдых он мог — благо, книжный шкаф Фальк обновлял сезонно, а незаменимая экономка Клотильда Генриховна проявляла подобную же прозорливость в отношении продуктов, посему способна была потчевать доктора разнообразными блюдами, ни разу не повторяясь, на протяжении недели. Семейный дачный дом также стоял крепко, не выказывая намерений резко рассохнуться и дать течь. Крыльцо с верандой могло похвастаться солидной шириной, а потому позволяло устроиться за столом и меланхолично завтракать, глядя на молотящие по округе потоки воды и не боясь намокнуть.

Так что же не давало Василию Оттовичу покоя этим утром? Да, для читателей, по какой-то причине с ним незнакомых, пожалуй, стоит дать краткий словесный портрет нашего героя. Представьте себе античную статую Аполлона, обрядите ее в приличный и идеально сидящий летний костюм, зачешите бриллиантином растрепанные русые волосы, добавьте геометрически правильные тонкие усы — и вы получите весьма точное представление о том, как выглядит доктор Фальк, а также о причинах, почему женская часть населения Зеленого луга считает его несомненным украшением дачного поселка.

А грустен он был по одной простой причине: Лидия Николаевна Шевалдина, единственная дама, которой удалось-та-

ки похитить его сердце, была вынуждена вернуться с матушкой в Сестрорецк. Ей и так удавалось откладывать это событие под все менее и менее благовидными предлогами. В ход шли здоровье («Доктор рекомендовал мне побольше гулять и дышать сосновым воздухом – а у нас в Сестрорецке теперь один дым от заводов»), досуг («Тут, говорят, театр приезжает, а искусство – это вещь возвышающая!»), фауна («А еще в Сестрорецке эти ночные сверчки! Я от них с ума схожу. Тут они, видимо, интеллигентнее»), суеверия («Я не дочитала одну книгу, взятую в курзале, а возвращать недочитанную – все-таки нехорошая примета») и физические увечья («Я слегка подвернула ступню в саду. Не видно, но очень чувствуется»). В принципе, Лидия Николаевна была права во всем (за исключением травмы, но страдательная походка удавалась ей крайне убедительно) – и воздух в Зеленом луге чище, и сверчки трещат тише, и книжки всегда стоит дочитывать, и даже театр действительно приехал. Фальк бросил взгляд на последний достижийный выпуск «Зеленолужского вестника», прочитанный от корки до корки, да так и оставшийся лежать на веранде. На обороте, где располагалась страница объявлений, крупные буквы буквально кричали:

Почтеннейшая публика!

Курзал имеет честь сообщить, что с июля по август на нашей сцене будут даваться спектакли под открытым

небом.

Постановки будут проходить по субботам, в вечернее время, при благоприятной погоде.

Репертуар труппы, состоящей из артистов петербургских театров, составляют как душещипательные драмы, так и веселые водевили, популярные сценки из быта, французские комедии нравов и даже маленькие опереточные курьезы.

Особое внимание будет уделено новейшим пьесам современных авторов, равно как и изящной классике русского репертуара.

Событие само по себе нешуточное. До сей поры спектакли в Зеленом луге ставились исключительно силами любительских трупп, а качество их, скажем так, варьировалось. Причем варьировалось чаще всего от «ужасного» до «абсолютно кошмарного, оставляющего душевные шрамы на всю жизнь». Конечно же, доверия незнакомые артисты также не вызывали, но все равно вероятность увидеть нечто стоящее возрастала – даже при повальном увлечении петербуржцев театрами за качеством в столице следили, и совсем уж бездарей не держали даже откровенно экспериментальные кабаре, ютившиеся по подвальчикам.

Ираида Дмитриевна, мать Лидии, была, однако, непреклонна. Она уступала капризам дочери весь остаток мая и большую часть июня, но в конце концов ее терпение лопну-

ло. Шевалдина-старшая взяла два билета на поезд до Сестрорецка и никаких отказов не принимала. Василию Оттовичу даже не удалось их проводить. Ираида Дмитриевна соблюдала общественные приличия и вела себя цивилизованно, но при этом ясно давала понять, что не одобряет взаимной симпатии между Фальком и Лидией. Унаследовав от мужа-генерала значительное состояние, она планировала найти дочери куда более выгодную партию, чем обычный врач. Пусть даже вполне успешный, статный, с безупречной репутацией, солидной практикой и семейной аптекой на Васильевском острове. А потому Василию Оттовичу оставалось лишь грустно смотреть вслед удаляющемуся поезду с деревянного дебаркадера станции, место на котором он занял загодя и укрылся от зоркого ока Ираиды Дмитриевны за газетой.

Отъезд Лидии Фалька расстроил. Еще больше доктора расстроило то, что появление в его жизни сей взбалмошной и энергичной особы лишило его привычных удовольствий. Казалось бы, самое время наслаждаться интеллигентной ленью! Пациенты с мелкими болячками не бегают (ибо выходить под такие ливни желающих нет), тяжких ни у кого, по счастью, не открылось. Можно спать, читать, варить кофе, курить сигары и смаковать хороший коньяк – наилюбимейшие занятия Василия Оттовича. До сего лета. Привычные ритуалы как-то враз перестали приносить удовольствие. Спал он плохо, по утрам вставал неохотно, кофе варил из рук вон плохо, сигары вызывали кашель, книги – скуку, и

даже коньяк – вот уж от кого он ожидал такой подлости в последнюю очередь! – отказывался смаковать. По-врачебному склонный к самоанализу, Фальк пришел к неутешительному выводу: без Лидии рядом жизнь его утратила изюминку. Вкус. Цвет. Аромат. Ему даже стало несколько обидно – обычно по прелестям холостяцкой жизни начинают скучать, лишившись их после женитьбы. А вот ему никто не мешает, но радости от этого никакой...

– Чаю? – заботливо каркнула выглянувшая на веранду Клотильда Генриховна. Своей бесшумной походкой и пугающим внешним видом старенькая экономка регулярно доводила до предынфарктного состояния гостей и просто посетителей доктора, однако сам Фальк, привычный к ней с детства, оставался абсолютно невозмутим. Один из его приятелей, профессор истории Петербургского университета, утверждал, что в каком-то средневековом трактате наткнулся на гравюру с четырьмя всадниками апокалипсиса, один из которых был подозрительно похож на Клотильду Генриховну. Но Фальк не придавал этому значения.

– Благодарю, драгоценная. Пожалуй, откажусь, – блеклым голосом откликнулся Василий Оттович.

Экономка оглядела его взглядом, в котором соседствовали беспокойство и недовольство, но промолчала и вновь исчезла в недрах дачи.

Фальк мрачно обозрел окрестности дачи. Прошлая ночь вышла особенно ненастной. Вечером на пару часов вышло

солнце, подарив обитателям Зеленого луга красивый закат и пару спокойных часов. Но как только стемнело, непогода вернулась с удвоенной силой. На море бушевал шторм. Ветер завывал так, что не спасали закрытые окна и беруши. Неудивительно, что стихия оставила свои следы в Зеленом луге. Молодое вишневое деревце на участке против дома доктора вырвало с корнями. У соседней дачки, давно не ремонтировавшейся, снесло часть черепицы с крыши и, кажется, выбило одно из окон. Словом – окружающая депрессия удивительным образом гармонировала с депрессией внутренней.

А вот кого душевные терзания, кажется, не беспокоили, так это председателя общества благоустройства Кунина. Зато сам Евлампий Аристархович регулярно беспокоил обитателей Зеленого луга своей кипучей деятельностью, которая, безусловно, шла на пользу дачной местности, но в процессе доставляла множество неудобств. Поэтому, завидев его на дорожке, ведущей от моря к Вокзальной улице, Василий Оттович пожалел, что прятаться внутри уже поздно – Кунин явно его уже заметил и взял курс к крыльцу докторской дачи.

Свой извечный белый курортный френч Евлампий Аристархович сменил на более сообразный погоде макинтош и резиновые сапоги. Даже побиваемый дождем и увязающий в грязи чуть ли не по колено, он умудрялся сохранять бьющую через край энергию (жизнерадостностью Фальк эту черту Кунина называть бы не стал). Евлампий Аристархович от-

носился к тем людям, которые громко делают все – ходят, говорят, шмыгают носом, прочищают горло, едят. Да даже дышат, в конце концов! И его явление Фалька в это утро совсем не радовало.

– Василий Оттович, друг мой, у нас бедствие! – прокричал председатель, не достигнув еще крыльца.

– Да, Евлампий Аристархович, погода не радует, – кротко согласился Фальк.

– Да какая погода! – воскликнул Кунин, поднимаясь на крыльцо и громко топая ногами, отчего стекающая с его макинтоша вода быстро напрудила вокруг него солидных размеров грязную лужу. – Стихия, конечно, первостатейная, но сейчас не о ней речь! Хотя...

Он увидел поваленное дерево и поврежденную дачу напротив, извлек из-под плаща записную книжку с карандашом и начал лихорадочно что-то корябать на раскрытой страничке. Фальк не стал ему мешать – теплилась еще надежда, что Кунин отвлечется и помчится дальше, забыв о его существовании. Такое случалось, пусть и до обидного редко. Не повезло и в этот раз.

– Так вот, – вновь обратил внимание на доктора Евлампий Аристархович. – Я с раннего утра на ногах! Обходил деревню, записывал ущерб, нанесенный непогодой, знаете ли! И вот, на берегу, недалеко от беседки – она уцелела, никаких повреждений, если вам интересно, – так вот, на берегу у беседки я наткнулся на кораблекрушение!

– Да что вы говорите! – удивился Фальк.
– Представляете! Море выбросило на берег яхту!
– Команда пострадала? – деловито спросил Фальк.
– Не знаю! Судно не сильно пострадало, но выглядело пустым! Возможно, его сорвало с якоря у яхт-клуба! Готов поспорить, что яхту делали не на наших верфях! Иностранцам нельзя доверять ни в чем! Ох, не принимайте на свой счет, Василий Оттович, вы-то свой, а не какой-нибудь мошенник и прохиндей! В любом случае это экстраординарное происшествие! Я спешу к Александру Петровичу...

Александром Петровичем звали местного урядника Сидорова, удивительно компетентного и трудолюбивого мужчину несколько старше Фалька. Расследуя всколыхнувшую деревеньку майскую историю с серым монахом, полицейский и доктор как-то незаметно подружились.

– Но решили все-таки заглянуть ко мне... – тяжело вздохнул Василий Оттович. – Давайте поступим так: вы спешите дальше, а я схожу на берег и проверю, не нуждается ли кто в моей помощи.

– Я могу с вами! – браво вызвался Кунин.

– А кто тогда поставит в известность полицию? – слегка дрогнувшим голосом возразил доктор, которого уж точно не радовала перспектива осматривать место происшествия в компании председателя общества благоустройства.

– Вы правы, доктор! Тогда я к Сидорову! – воскликнул Евлампий Аристархович и сбежал с крыльца обратно под

дождь.

– Постарайтесь нигде не задерживаться! – крикнул ему вслед Фальк. Во-первых, потому, что яхту могло выбросить на берег вместе с пострадавшей, а то и погибшей командой, что требовало вмешательства полиции. А во-вторых, возможно, этим наставлением ему удастся спасти от общения с Куниным еще нескольких ни в чем не повинных дачников. Шутка ли – даже Клотильда Генриховна предпочитала не пересекаться с Евлампием Аристарховичем.

Сам Василий Оттович времени терять не стал. Под ливень выходить не хотелось, но, будучи ближайшим доктором к месту кораблекрушения, Фальк не мог позволить себе остаться дома. А потому он натянул нелюбимый, но непромокаемый плащ, обул сапоги до колен (что вообще для него наминало сделку с совестью) и поспешил на берег, морщась от звука чавкающей под ногами грязи.

Как и ожидалось, других людей по дороге он не встретил, хотя, по ощущениям, дождь потихоньку начал стихать. Однако дорога до моря, в погожий день занимавшая от силы пять минут неторопливой прогулки, на этот раз отняла у него все десять. Фальку приходилось прилагать все усилия, чтобы не завязнуть (оставив в качестве дани сапоги) и не поскользнуться, ухнув в лужу вместе с врачом саквояжем.

Наконец впереди показалась белая беседка, отмечавшая начало приморского променада. Василий Оттович благодарно вступил под ее своды, скинул капюшон, вытер платком

намокшее лицо и смог осмотреться.

Как и обещал Кунин, на пляже перед беседкой лежала яхта. На вид – солидная, крейсерская. Фальк прикинул, что в длину она будет футов сорок и где-то шесть в ширину². Судно не опрокинулось – корпус лишь накренился на правый борт под углом где-то в 50 градусов. Над палубой возвышались две мачты. Задняя слегка покосилась, но не упала. Паруса были убраны, якорь – поднят и теперь свисал с борта.

За пеленой дождя, на фоне бурного серого моря и свинцовых туч севшая на берег яхта выглядела откровенно зловеще. Фальку вспомнились читанные некогда легенды об исчезнувшем экипаже «Марии Селесты» или о «Летучем голландце», проклятом вечно скитаться по океанам в безуспешных попытках обойти вокруг мыса Доброй Надежды на южном краю африканского континента.

Отогнав неуместные мысли, Фальк вновь накинул капюшон и заспешил по мокрому песку к судну. Подойдя поближе, он обратил внимание, что, за исключением царапин и потертостей, пробоин на выкрашенном в черный цвет корпусе не виднелось. Иллюминаторы выглядели целыми, но запотевшими, не позволяя заглянуть внутрь. С правого борта, рядом с носом судна, красовалось искусно выполненное изображение русалки и надпись: «Ундина».

² Приблизительно 12 метров и 2 метра соответственно. Метрическая система начала официально использоваться в России только после 1917 года.

Глава вторая

Слышал я также о Летучем Голландце, об этом вечном скитальце морей, с черными парусами и мертвым экипажем. Впрочем, эту страшную легенду знают и ей верят на всех морских побережьях Европы.

А. И. Куприн, 1911

– Эй, есть кто живой? – крикнул Василий Оттович. Ответом ему стала тишина.

Доктор обошел вокруг яхты на случай, если кого-то из команды выбросило за борт от удара о берег, однако, к счастью или нет, пострадавших не обнаружил. Ливень мешал осматриваться, заливая глаза и скрывая все за пеленой дождя, поэтому утверждать, что пострадавших не вынесло на берег где-то поодаль, Фальк не мог. Однако для того, чтобы проверить весь берег, потребовалась бы поисковая группа. А потому Василий Оттович вернулся к яхте, подпрыгнув, зацепился за борт, закинул через него свой саквояж и следом подтянулся сам.

Встав на палубу, Фальк огляделся. Доски под ногами были мокрыми и скользкими, но в целом выглядели ухоженными. Вода уже стекала сквозь дренажные отверстия. Паруса были убраны, снасти – не в идеальном порядке, но и не разбросаны, как случается при панике. В центре яхты возвышалась

надстройка с двумя круглыми иллюминаторами по каждому борту. Лесенка вела вниз, в каюту. На корме все выглядело так же аккуратно: штурвал, задняя мачта (та, что покосилась), спасательный круг.

От осмотра доктора отвлек крик, донесшийся сквозь барабанную дробь капель:

– Василий Оттович, это вы там бродите?!

Фальк перегнулся через борт. Опознать кого-то в такую погоду, да еще и в плаще с капюшоном, было невозможно, но доктор узнал визитера по голосу.

– Так точно, Александр Петрович. Быстро вы.

Урядник стянул капюшон и, щурясь от заливающего лицо дождя, задрал голову, чтобы разглядеть Фалька.

– А я в «Бристоле» был, – сообщил Сидоров, но, заметив, как доктора передернуло от одного названия, быстро добавил: – По делам. Долгая история. Так что Кунин перехватил меня на полпути. Поможете забраться?

Реакция Фалька была понятна. В Зеленом луге было всего две гостиницы: «Швейцария» и «Бристоль». И если первую обитатели Зеленого луга любили и рекомендовали состоятельным приезжим, то вторая своими удобствами (а вернее, отсутствием оных) смахивала на описанные журналистом Гиляровским ночлежки московской Хитровки. С поправкой на отсутствие криминалитета, конечно же. Единственными живыми существами, с относительным комфортом размещавшимися в «Бристоле», были многочисленные

тараканы, да и те могли со дня на день выйти на забастовку с требованиями улучшения жилищных условий.

Василий Оттович припал к палубе, протянул уряднику руку и помог Сидорову забраться наверх. Александр Петрович приземлился рядом и, поблагодарив доктора, спросил:

– Я так понял, вокруг яхты никого не нашли? А внутри?

– Пока еще не начинал осмотр, – ответил Фальк. – А где потеряли Кунина? Я был уверен, что он увяжется следом.

– Отправил его за командором яхт-клуба. Не знаю, откуда взялось это судно, но если оно из наших, то так будет проще и быстрее установить, кому оно принадлежит и кто брал его вчера. Встретиться договорились в здании яхт-клуба. Так Евлампий Аристархович хотя бы под ногами мешаться не будет.

– Весьма мудрое решение, – признал Фальк, представивший, как Кунин нарезает круги вокруг яхты, вопрошая: «Други мои, что вы видите? Есть трупы? Их убили революционеры?»

Сидоров остался еще раз осмотреть палубу, а Фальк спустился в каюту.

Помещение оказалось узким, обшитым до потолка ровными панелями из светлого лакированного дерева. Потолок – с арочными балками, окрашенными в молочный цвет, – визуально расширял тесное пространство. По обе стороны каюты шли два длинных дивана с высокими подушками, обтянутыми светлой плотной тканью. Под диванами были встро-

ны ящики с овальными латунными ручками, тщательно пригнанные, без зазоров. Стены над диванами были снабжены встроенными шкафчиками с глухими деревянными дверцами, а справа в небольшую нишу был аккуратно вмонтирован открытый книжный отсек.

Сквозь круглые запотевшие иллюминаторы пробивался рассеянный тусклый свет. Капли дождя то и дело стекали по стеклу. В глубине, за скругленной дверью, начинался следующий отсек, в котором виднелась заправленная койка-кровать и тускло поблескивала под потолком латунная подвесная лампа.

Здесь уже встречались следы пребывания людей. Под ногами валялись две пустых бутылки из-под шампанского, и висящий в каюте кисловатый запах подсказывал, что их содержимое, скорее всего, разлилось по полу. Фальк хотел было двинуться в глубь каюты, но после секундного размышления решил сначала скинуть сапоги. Отчасти потому, что не хотел затоптать грязными следами роскошный салон, а отчасти – потому, что открывшаяся картина казалась ему смутно подозрительной. Он пока не смог бы связно описать, что именно вызвало его беспокойство, но, невольно поучаствовав в расследовании двух преступлений, доктор начал доверять своему чутью.

Аккуратно, стараясь не промочить носки в натекших с палубы лужах, Василий Оттович прокрался через каюту и заглянул в спальный уголок. Здесь царил абсолютный порядок

– кто бы ни вышел на яхте в море, кроватью они не пользовались.

– Пусто? – спросил Сидоров, спускаясь по лестнице.

– Никого, – подтвердил Фальк.

– А чего это вы сапоги бросили? – Урядник удивленно оглядел оставленную на нижней ступеньке обувь.

– Да как вам сказать... – замялся Василий Оттович. – Есть у меня какое-то нехорошее предчувствие.

– По поводу яхты? А что не так?

– Если бы я мог объяснить...

Фальк еще раз огляделся и попробовал:

– Меня не покидает ощущение странности. Помогите, Александр Петрович. Вот куда могла деться команда? Судя по пустым бутылкам, здесь что-то праздновали. Или просто устроили гулянку. Значит, в море они вышли до шторма, если не дураки. Но дальше-то что?

– Хороший вопрос... – Сидоров почесал в затылке. – Вы что-нибудь в яхтенном спорте смыслите?

– Почти ничего, – признался доктор.

– Вот и я тоже. Может, их за борт снесло? Или, например, после того как судно село на мель, его просто бросили. Скажем, одному из членов команды потребовалась врачебная помощь и его попытались доставить в клинику у станции. Как думаете, сколько человек требовалось для управления яхтой? Она немаленькая на вид.

– Сложно сказать. Думаю, человека два-три.

– Похоже на то, – покивал Сидоров. – Ну, главное, что пострадавших мы не нашли. Значит, надо будет зайти в яхт-клуб, свериться с их записями о лодках и их хозяевах. Да проверить клинику, не поступал ли к ним кто-нибудь. Что скажете?

– Вы здесь полиция, – усмехнулся Василий Оттович. – Это я что-то после наших приключений везде вижу злой умысел. Давайте сделаем, как вы скажете.

Сидоров пригляделся к доктору, еще раз огляделся, а затем принялся сам стягивать грязные сапоги.

– Чего это вы? – удивился Фальк.

– Знаете, Василий Оттович, я успел убедиться, что вашему чутью стоит доверять. И уж если вам кажется, что дело нечисто, то нелишним будет здесь осмотреться. Для порядка.

Фальк пожал плечами. Его натура буквально настаивала на том, чтобы отбросить подозрения, поблагодарить Сидорова за доверие и вернуться обратно домой, забыв про выброшенную на берег яхту. И два месяца назад он бы так и сделал. Да чего уж там, он бы и месяц назад не изменил своего решения. Опустевшая яхта и пропавший экипаж – явно не сфера интересов отдыхающего на даче врача. Было лишь одно «но» – и «но» это звалось «Лидия Шевалдина». Василий Оттович уже усвоил, что возвращение домой не принесет ему ни радости, ни покоя. И чем бы он ни старался себя занять, закончится все угрюмым сидением у окна с книжкой,

которая не представляла для него ни капли интереса. Чем бы ни обернулась история с яхтой, по крайней мере она позволит отвлечься на час-другой. А дальше... Дальше он что-нибудь да придумает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.